

Василий Иванович Немирович- Данченко

Да-а-вад

(Очерки жизни и войны в Дагестане. Часть
#1)

Немирович-Данченко Василий Иванович — известный писатель, сын малоросса и армянки. Родился в 1848 г.; детство провел в походной обстановке в Дагестане и Грузии; учился в Александровском кадетском корпусе в Москве. В конце 1860-х и начале 1870-х годов жил на побережье Белого моря и Ледовитого океана, которое описал в ряде талантливых очерков, появившихся в «Отечественных Записках» и «Вестнике Европы» и вышедших затем отдельными изданиями («За Северным полярным кругом», «Беломоры и Соловки», «У океана», «Лапландия и лапландцы», «На просторе»). Из них особое внимание обратили на себя «Соловки», как заманчивое, крайне идеализированное изображение своеобразной религиозно-промышленной общины. Позже Немирович-Данченко, ведя жизнь туриста, издал целый ряд путевых очерков, посвященных как отдельным местностям России («Даль» — поездка по югу, «В гостях» — поездка по Кавказу, «Крестьянское царство» — описание своеобразного быта Валаама,

«Кама и Урал»), так и иностранным государствам («По Германии и Голландии», «Очерки Испании» и др.). Во всех этих очерках он является увлекательным рассказчиком, дающим блестящие описания природы и яркие характеристики нравов. Всего более способствовали известности Немировича-Данченко его хотя и не всегда точные, но колоритные корреспонденции, которые он посылал в «Новое Время» с театра войны

1877 — 78 годов (отд. изд. в переработанном виде, с восстановлением выброшенных военной цензурой мест, под заглавием «Год войны»). Очень читались также его часто смелообличительные корреспонденции из Маньчжурии в японскую войну 1904–1905 годов, печат. в «Русском Слове». Немирович-Данченко принимал личное участие в делах на Шипке и под Плевной, в зимнем переходе через Балканы и получил солдатский Георгиевский крест. Военные впечатления турецкой кампании дали Немировичу-Данченко материал для биографии Скобелева и для романов: «Гроза» (1880), «Плевна и Шипка» (1881), «Вперед» (1883). Эти романы, как и позднейшие романы и очерки: «Цари биржи» (1886), «Кулисы» (1886), «Монах» (1889), «Семья богатырей» (1890), «Под звон колоколов» (1896), «Волчья съть» (1897), «Братские могилы» (1907), «Бодрые, смелые, сильные. Из летописей освободительного движения» (1907), «Вечная память! Из летописей освободительного движения» (1907) и др. — отличаются интересной фабулой, блеском изложения, но пылкое воображение иногда приводит автора к рискованным эффектам и недостаточному правдоподобию. Гораздо выдержаннее в художественном отношении мелкие рассказы Немировича-Данченко из народного и военного быта, вышедшие отдельными сборниками: «Незаметные герои» (1889), «Святочные рассказы» (1890) и др.; они правдивы и задушевные. Его эффектные по фактуре стихотворения изданы отдельно в Санкт-Петербурге (1882 и 1902). Многие произведения Немировича-Данченко переведены на разные европейские языки. «Избранные стихотворения» Немировича-Данченко изданы московским комитетом грамотности (1895) для народного чтения. В 1911 г. товариществом «Просвещение» предпринято издание сочинений Немировича-Данченко (вышло 16 т.). Часть его сочинений дана в виде приложения к журналу

«Природы и Люди».

Василий Иванович многие годы путешествовал. В годы русско-турецкой, русско-японской и 1-й мировой войн работал военным корреспондентом. Награжден Георгиевским крестом за личное участие в боях под Плевной. Эмигрировал в 1921 году. Умер в Чехословакии.

**Василий Иванович
Немирович-Данченко
Да-а-вад**

Майор Брызгалов встал тоже чуть свет.

Ветер гнал ещё тучи по бледнеющим небесам, горы кругом курились туманами, и только вершины их сияли первым приветом зари. Мгла лежала в ущельях... Ночь умирала на западе, кутаясь в уходившие с нею облака... Степан Фёдорович взошёл на стену и зорко оглядел окрестности.

— Вы уже здесь? — встретил он Кнауса.

— Точно так!

Исправный офицер возился со зрительной трубой.

— Ну, что вы рассмотрели?

— А вот, не угодно ли.

Все дали, — насколько они уже освободились от тумана, — оказывались занятыми лезгинскими дружинами. Прислонясь к горам, вне выстрелов крепости, но кругом неё, стояли они пёстрым кольцом... В одно марево сливались там и конные, и пешие. Сплошной гул нёсся оттуда. В устьях ущелий видны были другие скопища, туманными реками заливавшие их... Они пропадали в глубине теснин. Казалось, грозный Дагестан выслал сюда всё, что у него было. Первые лучи солнца,

проникшие в долину, яркими пятнами выхватили из её мглы толпы джигитов, зелёные значки отдельных партий, какое-то крошево пеших дидойцев, обёрнутых в свои овечьи шкуры, щеголеватых аварцев, горевших позолотою оружия и позументами одежд, койсабулинцев в их красных чухах, карадахцев, обёрнутых верёвками, которые они, как американские гаучо лассо, бросали петлями в неприятеля и душили его издали, даргинцев, гордо проезжавших в серых черкесках по становищу, гимринцев в чёрном, казавшихся траурными точками в общей картине вражьего лагеря... Да, это были мюриды! И без гимна их Степан Фёдорович хорошо понимал опасность положения. Дело не кончится двумя-тремя штурмами. Эти или сами погибнут, или истребят гарнизон укрепления до последнего человека!.. Это злейшие наши враги — фанатики переродившегося в страшную боевую силу тариката... Вон зелёные чалмы их мулл. И муллы вооружились: в газават они ведут за собою полчища лезгин... Вон наибы в жёлтых чалмах. Сколько их! Целыми группами переезжали они с места на место, и кру-

гом точно море поднимаются и неумелыми грозными волнами катятся толпы джигитов... Вон пёстрые чалмы сотенных начальников. Неужели — всё это присоединилось к жалкой горсти салтинцев, поднятых сумасшедшим князем Хатхуа — этим «рыцарем гор», которого хорошо знал Брызгалов... Его, кабардинского узденя, — даже свои звали за слепую отвагу «дели» — одержимый. Вон красные чалмы глашатаев. Они собираются впереди, должно быть, сейчас поедут к крепости с предложениями; коричневые — ходжей или тех кто был в Мекке. Весь запас головных уборов, установленных Шамилем для мюридов, с чёрными тряпками на головах палачей включительно. Должно быть, по пути к салтинцам имам прислал свои войска. Самый большой зелёный значок с золотой рукой над его древком — приближается к крепости. Перед ним на чудном коне золотистой масти гарцует кто-то... Да это и есть Хатхуа. Его гордая посадка, его сверкающее драгоценными камнями оружие. Он всё ближе и ближе. Теперь Степан Фёдорович различал закинутую на затылок папаху кабардинского узденя; дыша-

щие неукротимой энергией черты смуглого и худого лица, пламенные очи, в которых никогда не гаснет огонь свободы... За ним молодёжь... Если бы Степан Фёдорович знал их, то он бы различил Джансеида, Ибраима, Селима и Сулеймана. Это почётный конвой начальника лезгин, его авангард...

— Кнауус!.. Распорядитесь навести орудие на эту шайку! — приказал Брызгалов, — Чиненкой в них.

У орудия затормошилась прислуга. С аккуратностью немца Кнауус несколько раз примерился и тогда уже проговорил: «Готово!»

Старый артиллерист стоял с дымящимся фитилём... Мортира, кровожадно подняв вверх свою пасть, казалось, замерла в ожидании добычи.

— Пли! — резко раздавалась команда Брызгалова.

Туча дыму, рёв орудия, свист бомбы, взвившейся в высоту... Степан Фёдорович смотрит... Целое облако пыли взорвалось там. Конвой кабардинского узденя разлетелся кругом, как вспугнутая воробьиная стая; припали головами к шеям коней и несутся к горам.

Только князь стоит, как вкопанный, точно он изваян... На минуту его скрыло облако, но когда оно рассеялось, — уздень был на том же месте... Гул пошёл по его лагерю. Крики. Засверкали толпы разряженных всадников с диким гиканьем понеслись они вперёд и назад. Заволновалось целое море пешех лезгин у самых гор...

— Расшевелили... Ну-ка, ещё туда!..

Вправо какие-то наибы в жёлтых чалмах, как курослеп, горели на солнце. Они тоже слишком близко поддались к крепости. Бомба легла прямо в их кучу, и всадники прыснули во все стороны... Грохот разрыва чуть слышно донёсся оттуда. Ветер был против!..

Теперь горное утро уже сияло и лучилось повсюду...

Чем яснее выступали долины, тем яснее видел Брызгалов, что они сплошь залиты воинственными толпами мюридов. Газават подготовился и вырос внезапно. Никто его не ожидал у нас! Тяжёлые предчувствия давили коменданта. «Бедная Нина! — шептал он про себя... — И зачем я её вызвал оттуда?» Одна надежда оставалась на Дербент, если Амеду

удастся туда пробраться!.. «Бедная моя девочка, нерадостно тебя встречает родина!» Но потом какую-то тёпую, воодушевляющую волну совсем иное чувство бодрости и сознания долга прилило к нему и высоко-высоко подняло старика майора. «Никто как Бог!» — прошептал он и, уже орлиным взглядом из-под седых бровей оглядывая солдат, крикнул:

— Покажем, братцы, что мы не привыкли считать врагов.

— Рады стараться, ваше высокоблагородие!..

— С такими молодцами, как вы, наше Самурское гнездо отобьётся и от в двадцать раз сильнейшего неприятеля. Не таких разносили! Кто со мной был в Гимрах, тот помнит...

Солдаты повеселели.

— Теперь по крайности нескучно нам будет сидеть здесь, товарищи... А то мы мхом было поросли и плесенью покрылись. Да и молодых пора окурить пороховым дымом. Правда?

— Точно так, ваше высокоблагородие!

— С сегодняшнего дня всем по чарке водки, пока будет длиться осада... Караулы и сек-

рет держать в исправности... Помните, — лезгины злы, как волки, и хитры, как лисицы... Для секретов места укажет нам Левченко... Он недаром исходил их...

— Г-н комендант! — официально обратился к нему Кнаус.

— Что прикажете?

— Вон кучка в красных чалмах подъезжает, не пугнуть ли?..

— Нет, это у них глашатаи. Они их парламентарями к нам посылают. Есть белый лоскут?

— Есть. И тот кабардинский князь с ними, Хатхуа, что ли?..

— Прапорщик, — выезжайте навстречу с конвоем...

— Сколько их?

— Двадцать шесть...

— Возьмите двенадцать казаков и встретьте их вот за тем рукавом Самура. Сюда их не пускать. А мы станем сверху сторожить. Если они вздумают только шевельнуться, мы их свинцовым дождём угостим.

«Верно, предложение сдаться „Да-а-вад“», — подумал он и потом уже громко от-

дал приказание:

— Послать мне переводчика сюда!..

Через несколько минут Кнаус, гордясь возложенным на него поручением, выезжал из крепости... Он медленно доехал до одного из рукавов Самура. Фыркая и косясь, конь его вступил в воду, и, разбрызгав её бриллиантовыми каплями во все стороны, — казаки живо перебрались на ту сторону. Князь Хатхуа отделился и поехал вперёд один. Глашатаи со значком остались позади. Кнаус приказал казакам ждать и также подъехал к кабардинцу.

— Здравствуй! — приподнял тот папаху. Хатхуа в плену выучился русскому языку.

Кнаус отдал ему честь.

— Брызгалов здесь?..

— А тебе какое дело?..

Кабардинец улыбнулся.

— Поклон ему от меня. Старый знакомый. Он хороший джигит. С таким приятно дело иметь... Храбрый джигит. У нас бы его имам сейчас главным наибом своим сделал... Вот ему передай!.. от нас... письмо... Да покроет Аллах его своею тенью! Я хотел его посетить в крепости... Я бы поехал туда с тобой...

Кнауэ сослался на то, что ему не дано такой инструкции.

— Говорят, к нему дочь приехала?.. — засмеялся уздень.

Прапорщик вспыхнул и схватился за шашку, да вспомнил, что парламентёры неприкосновенны, и только закусил себе губы.

Хатхуа притворился, не заметившим этого движения.

— Я слышал, красавица. Кадий наш был у вас; — видал её. Ну, что же, тем лучше. Моей женой будет.

— Да, только до тех пор тебе придётся поболтаться на виселице.

— Мне на виселице? Я не принимал присяги русским. Меня за измену судить нельзя.

— За измену нельзя, а за разбой и воровство можно.

Князь побледнел и бросил гордый взгляд на белобрысого офицера.

— Скоро твоей матери придётся плакать о тебе... осиротеет она...

— А разве ты незаконнорождённый, что о тебе плакать будет некому?

Кабардинца точно нагайкой ударили. Он

уже на стремянах привстал, но тотчас же сдержался.

— Мы ещё встретимся с тобой... Посмотрим в бою, так же ли остра твоя шашка, как твой язык.

— Достаточно остра, чтобы рубить бараньи головы! — продолжал с истинно-тевтонским спокойствием Кнауус.

— Смотри, сам не попади на забаву нашим бабам. Они тебя заставят воду носить, коноплю варить, шерсть чесать.

— А разве для этого мало кабардинских князей в горах?

Хатхуа с силою сжал рукоять своей шашки. Глаза его метали молнии на Кнаууса, но белобрысый немчик только улыбался, очевидно, уже вполне владея собою.

— Ты бы, князь, шёл к нам. У нас в первой роте водовоз болен.

— Я к вам и приду. Только на каждом зубце вашей крепости по голове воткну сначала. У вас их хватит.

— Если хочешь поступить к нам мясником, у нас довольно скота... На год запаслись...

Хатхуа ударил коня нагайкой, тот поднялся на дыбы.

— Довольно языки чесать... Мы с тобою не бабы.

Горец повернул коня и подъехал к своим.

Брызгалов читал у себя привезённый казаком пакет.

Переводчик Керим передавал ему содержание этой бумаги по-русски:

«Да благословенно будет имя Аллаха отныне и во веки... В неизречённой благодати и милосердии своём он пожелал, чтобы умы неверных просветились блеском учения его. Истребляя упорных и слепых гяуров, он всем, жаждущим истины, широко открывает сады Эдема... Приходите и пейте из источника правды! Наслаждайтесь благочестием и воспойте ему хвалу. Ему и пророку его. Ибо един Бог, и нет иных, кроме него. Един пророк его Магомет, и нет равного ему пред тысячью тысяч очей Аллаха... Имя ему Адн, и рука его — весь мир, всю вселенную держит на кончике мизинца...

Коменданту Брызгалову привет и благоволение. Прежде чем мы спалим твоё гнездо и

раздавим вас, как змеёнышей, выброшенных из норы, прежде чем ворон будет клевать ваши очи, а ветер сушить тела, прежде чем жаждущий меч пророка досыта напьётся вашей крови, мы — рабы Аллаха перст в руке его, дуновение его уст, предлагаем именем имама Шамиля и его наибов вам послушать нашего „да-а-вада“, сохраняя себе жизнь, и приобрести милость пред очами пророка. С получением сего — прикажи поднять на башне своей белый флаг. Выборным нашим сдай орудия и всё оружие. Сами выйдите вон из крепости и коленопреклонённые ждите прощения... Муллы наши научат вас истинам Ислама, и Аллах неверных собак очистит и сделает агнцами стада своего... Мы осведомлены давно о твоей храбрости, — жаль губить джигита, который и у нас может служить правому делу. Предлагаем тебе милость, — не наешься грязи. Указываем тебе спасение, — не заблудись на ложном пути.

Нет бога, кроме Бога, и Магомет пророк его.

Нас много, — вас мало. У нас позади горы с их житницами, а у вас впереди одна

смерть... Не раздражай терпения нашего, потому что мы едва удерживаем шашки в ножнах. Они давно хотят зазвенеть в бою. Пожалей себя и своих, — благоразумный вождь ищет спасения там, где победа невозможна. Не будь в ослеплении подобен ишаку, умершему от голода вблизи целой кучи саману. Небо открыто всем, надо только знать истину.

Аллах велик! Или вы не слышали вчера гимна газавата? Трепещите же и ждите смерти!»

Брызгалов засмеялся.

— Всё налицо и в порядке... Кто это мог у них написать? Очевидно, не сам князь Хатхуа.

— Нет, это на совете кадиев, должно быть.

— Садись, Керим, и пиши!

«Кабардинскому князю Хатхуа привет. Письмо твоё получил и глупости его удивляюсь... Большим ты ослом вырос, а понимаешь меньше новорождённого щенка. Жаль мне твоей молодости, и потому я готов оказать милость тебе. Немедля положи оружие, пришли заложников и сам явись с верёвкой на шее, без папахи и пешком. Тогда вам всем бу-

дет сохранена жизнь, и царь вам покажет свою щедрость. Иначе, пошли матери своей и матерям твоих разбойников извещение, чтобы они заранее уже оплакивали вас. Мы настигнем вас в ваших горах, сорвём с утёсов ваши аулы и сбросим их в пропасти вместе с вами. Чаша нашего долготерпения давно полна. Берегитесь прибавить туда одну каплю, — она разольётся и потопит вас со всеми вашими глупыми мюридами. Вчера мы слышали не гимн газавата, а вой чекалок, вышедших на добычу и увидевших её в когтях у могучего русского орла. Я был у вас и благодарен за то, что вы пришли ко мне. Не одна мать в горах оплакивает сына своего, убитого при встрече со мною. Теперь вы сами явились на погибель. Подумайте сначала... Я оторву мясо от костей ваших и брошу его голодным зверям ущелий, а ваши кости размечу во все стороны, чтобы племена и народы всех четырёх стран света знали о вашей жалкой участи. Я так напою землю вашей кровью, что она долго не будет просить у меня пить»...

— Что ещё прибавить в восточном духе? — засмеялся Брызгалов. — Довольно, я думаю.

Прибавь: «просите милости, пока мои уши слышат; если я заткну их перстами ненависти, — кровь похолодеет в ваших жилах и между вами не найдётся никого, чтобы рассказать в аулах о вашей гибели».

Керим написал.

— Что, столько же вышло, сколько и у них?

— Немного меньше.

— По-ихнему это будет неудачно. Добавь: «У нас достаточно свиней, чтобы, убив их, в нечистые шкуры их зашить ваши тела и высушить их на солнце». — Прибавил?.. Ну теперь закончи: «а кабардинскому князю Хатхуа — привет. Мы помним твоё пребывание у нас и жалеем тебя. Ты молод и храбр. Благоразумие тебе чуждо, но ты не виноват в этом... У вас у всех каменные головы». Теперь запечатай. Свербеев!

Казак вошёл.

— Отвези и отдай ответ. Скажи, чтобы прочли его на джамаате при всех наибах, и кадиях, и муллах. И затем, прикажи им убираться во весь карьер, а то я сейчас же, как наши отъедут, открою огонь.

Когда казак и переводчик вышли, — лицо Брызгалова стало серьёзно.

Он недолго сидел у стола. Глаза его остановились на небольшой походной иконе в серебряной ризе. Он опустился перед нею на колени.

— Господи сил! Спаси нас! Ты наша защита и покров. На тебя только и надеемся в слабости нашей. Их много, нас мало, — пощади, Всемогущий!.. Сохрани и спаси дочь мою!.. Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас грешных.

Осенив себя крестным знамением, он сделал земной поклон и встал уже спокойный.

И он уже бодро и смело пошёл на башню крепости.

В первый день осады лезгины ничего не предпринимали...

Глядя на них в зрительную трубу, Брызгалов видел, что они собирают «джамаат». Жёлтые, зелёные и красные чалмы сошлись вместе вне выстрелов крепости, у опушки каштановой рощи, и долго толковали о чём-то. Амед, бывший ещё на стенах, — думал, что неприятель ждёт подкреплений, и, действи-

тельно, не прошло часу, как где-то далеко-далеко послышался напев священного гимна, и в ущелье налево, сначала смутным пятном, показались новые дружины мюридов...

— Ну, теперь мне пора... Я пойду... Если меня убьют, — скажите отцу, что я погиб, как прилично мужчине... — тихо проговорил Амед, обращаясь к Брызгалову...

— Вернись скорее! Помни, что от твоего успеха всё зависит... Передай генералу, что я сказал тебе... Не забудь ничего.

— Слушаю...

Через несколько минут ворота крепости растворились широко, и в них вынеслась на простор бывшая здесь казачья полусотня. Этот манёвр был исполнен, чтобы не дать заметить выхода Амед. У лезгин зоркие глаза, и Брызгалов знал, что везде теперь со скал и с вершин деревьев горцы неотступно наблюдают за тем, что делается в крепости... Амеду удалось в толпе казаков так юркнуть в ближайший лозник, что самый подозрительный соглядатай не различил бы его в общей суматохе. Казаки с дикими восклицаниями, пики наперевес понеслась через рукава Самура. Це-

лыми фонтанами ярких брызг засверкала вода. Скоро всадники выбрались на ту сторону и, точно желая осветить местность и узнать, насколько приблизились к нам лезгины, стремительно промчались вдоль их бивуаков под целым дождём пуль... В трескотне выстрелов замерли крики людей... Навстречу казакам выскочили джигиты в пёстрых чалмах и, горяча своих огневых коней, приняли наперерез... Но наши сделали всё, что им было нужно, и теперь, описав большой круг по равнине, стремглав вернулись назад. В бешенстве преследования горцы сами не заметили, как подъехали под наши пушки... Оглушительно на всю Самурскую долину ахнули их медные жерла и свинцовыми брызгами картечи обдали занёсшихся храбрецов.

— Молодцы, ребята!.. — похвалил своих Брызгалов, заметив, как лезгины соскочили с коней подобрать убитых и раненых, которых они никогда не оставляли в руках неприятеля, даже рискуя новым неравным боем и новыми потерями. — Ну-ка, ещё брызни!..

Четыре горных пушчонки опять сделали своё дело вдогонку за всадниками, во всю

прыть уносившимися из-под наших выстрелов.

— Не любишь! — радовался Незамай-Козёл. — Г-н майор, позвольте маленькую вылазку...

— Нельзя-с. Нам теперь не шутки шутить. Их много, — каждая рука у нас должна быть на счету. Солдат у меня нынче дорог будет...

— Слушаю-с!

— Нечего бесполезно финтить молодечеством. Никто и без того, и они первые, — кивнул он по направлению к лезгинам, — не сомневается, что у нас трусов нет... Уже если вам так хочется, можете на ночь опять в секреты.

Полуденное солнце жгло невыносимо...

В ярком блеске его млели, точно раскалившиеся, утёсы и вершины гор. Даже небо, казалось, побледнело от зноя. В воздухе кругом дрожали искры. Больно было смотреть... Струй Самура кое-где лились расплавленным серебром. Амед осторожно приподнял голову в кустах... Теперь его никто не узнал бы. Он обернул папаху белым лоскутом, как простой лезгин. Щёгольскую чуху он оставил в крепо-

сти, на нём болтались жалкие лохмотья дидойского байгуша, самого несчастного из горских бедняков. Грудь была открыта, — её немилосердно жгло солнце, но она и без того была бронзовой от его лучей, и такие неудобства ни во что не ставились в горах. Амед даже больше изорвал старый и изодранный архалук... Оружия у него только и было, что кинжал, болтавшийся на полинявшем поясе. К подошвам ног он прикрепил верёвками куски сырой кожи... Только гордый взгляд больших чёрных глаз, то и дело загоравшийся под его соколиными бровями, выдавал в нём елисуйца, привыкшего к совсем иному обиходу. Оглядевшись кругом, Амед пополз вокруг крепости. Он знал, что там отдан приказ не стрелять по нем, — и боялся только, чтобы его не заметили со стороны лезгин. До наступления сумерек ему нужно было быть уже за Самуром. Лохмотья его ещё более рвались в колючих кустах. То и дело он оставлял на их шипах обрывки и лоскутья старой чухи. Руки уже в нескольких местах он изодрал на выступах острого кремня, но Амед и на это не обращал внимания. Солнце там, где кусты

расходились, жгло его в затылок. Раз змея попала на пути и зашипела, приподымая свою расплюсченную головку с злыми глазами и розовым языком. Амед не обратил на неё внимания. У него висел на шее талисман от укуса ядовитых гадов, и юноша вполне верил в его силу... Змея, действительно, свилась в кольцо и вместо того, чтобы броситься на него, уползла в кусты... Скорпионы на открытых местах, гревшиеся на солнце, разбегались во все стороны... Когда Амед уставал, он ничком ложился на землю и отдыхал несколько минут, унимая кровь из разодранных колен и локтей... Немного спустя, кусты стали выше. Тут ему уж можно было привстать. Он обернул всю свою папаху зеленью и, таким образом, голова его слилась с верхушками кизиловой поросли и орешника. Он смело пошёл вперёд и через час по выходе из крепости обогнул её угол. Проходя мимо, он поднял голову, и его сердце забилось жутко-жутко. Между зубцами стены он заметил беленькое платице Нины. Теперь, если бы на него поднялись силы всей земли, он бы не испугался их. Он понимал, что спасти крепость, значило

спасти Нину, и это чудное видение воодушевило Амеда. Оно дало ему уверенность в себе. Даже боль в ссадинах точно утихла, но он старался прятаться теперь ещё тщательнее, и уже не от одних лезгин, но и от девушки. Ему казалось невозможным попасться ей на глаза в таком ужасном виде... Мелькнувший на минуту призрак Нины, даже заставил его промурлыкать про себя песню, старую горскую песню.

Скоро ему пришлось залечь на опушке. Тут кончались кусты... Дальше шли отмели Самура и главный рукав его позади крепости катился бурными, хотя и неглубокими водами. Амед лежал недолго. Он сообразил, что его лохмотья несколько не отличаются от серого цвета земли, но идти дальше нельзя было, и Брызгалов, обходя стены укрепления, видел, как юноша медленно и осторожно ползёт к реке. «Дай ему Бог удачи!.. И нам тоже! — тихо помолился старый майор. — Коли успеет, хорошо... Нет, да будет воля Твоя, Господи!..» Амед с наслаждением погрузился в холодную воду. Всё тело его в ссадинах и синяках ныло и болело, а студёная влага оживляла его уста-

лые ноги и руки... Он жадно припал к ней и напился её... Пройти реку он мог быстро, но его заметили бы. Нужно было ползти на отмытых местах и, согнувшись, красться там, где было поглубже. По середине реки он выпрямился. Теперь только его нос, да глаза были над водой; ещё несколько времени, и он поплыл через самое стремя. Быстрина здесь сносила его на восток. Он сообразил это и нарочно стал ей поддаваться. Так река за него сама исполняла работу. Он уже далеко унёсся по ней и, обернувшись, заметил, какою маленькою стала крепость и как вдруг перед ним выросли стены каких-то скал, и близки-близки сделались облежавшие Самурскую долину горы. Быстрина мчалась здесь, кружа ему голову. Точно тысячи молотком стучали ему в уши, а внизу там, где вода стремилась по кучкам мелкого щебня, глухой шорох сдвинутых камешком покрывал её рёв... Грохот реки скоро стал погружать Амеда в какое-то забвение. Его ужасно потянуло скорее на дно. Ему вдруг захотелось сложить на груди руки и отдаться этим струям... Закрыть глаза... Мышцы точно стали неметь. Ноги тоже не держались уж...

Но он разом сбросил с себя это гибельное очарование. Нужна была борьба, чтобы выйти из него и очнуться совсем, и Амед опять заработал руками, выбиваясь из быстрины в боковое, менее стремительное течение. Ему это удалось и, приблизившись к берегу, на отмелом месте, по которому струи бежали тонким слоем, юноша прилёг и отдохнул, прежде, чем пуститься далее.

Ему пришлось долго лежать тут.

Он, приподымая голову, отлично видел теперь у самых гор бивуаки лезгин. Вон они! Вон их зелёные значки, вон, точно далёкие венчики мака, мелькают красные чалмы. Вон всадники, от нечего делать, джигитуют и в облаке пыли несутся вдоль скал куда-то... Вон подымается дымок от костра. Сизою нитью вытянулся в недвижимом воздухе и высоко-высоко исчезает, сливаясь с ним... А где крепость?.. Какая низенькая кажется отсюда! Только четыре её башни шишечками выдвинулись над приземистой линией стен. Должно быть, горды её отовсюду обложили теперь. По крайней мере, и здесь они сомкнули концы подковы, которую вчера наблюдал Амед

по блеску огней ночью... Сомкнули концы подковы кольцом... Ну, да, юноша не боится их. Через их бивуак, как стемнеет, он пройдёт свободно. Кто его отличит от простого пешего лезгина, которых здесь теперь тысячи! Скажет, что из Белокани пришёл, а белоканских здесь мало. Далека, очень далека Белокань, — никому и не будет странно, что его никто не знает. Лишь бы на своих елисуйцев не наткнуться. Положим, елисуйцы в мире с русскими. На Коране клялись страшною клятвою. Да, ведь, то старики, а детям клятва не обязательна. Наверное Али здесь, да и Гассан тоже; благородная страсть к войне и приключениям заставила их бежать из дому навстречу смерти и славе... В случае чего, он и сам может сказать, что ушёл от отца. Только чем он объяснит свой жалкий вид, лохмотья эти? Э, да не всё ли равно?.. Разве его не могли ограбить в горах?..

А струйки мелководья текли мимо, напевая ему здесь уже тихие песни. Солнце играло на них золотыми бликами. Амед лежал так неподвижно, что несколько маленьких рыбёшек метнулось было к нему и, заметив его

глаза и лицо, кинулись прочь, разгоняя воду быстрыми движениями хвостов и мутя её. Как близки отсюда кажутся горы!.. Их вершины, окутанные теперь облаками, точно нависли над самой головой. Вот-вот рухнут и раздавят его. Каждая складка их склонов ярко, резко выступает теперь, значит, солнце стало уже склоняться к западу. То и дело по ним вырезаются новые и новые скалы, незамеченные минуту назад. Вон на одном утёсе прилип к нему ласточкиным гнездом аул. Над самой бездной висит. Дунет ветер, кажется, и разом рухнут эти крохотные скали... Зелёный купол мечети между ними, как горошина, и тонкий стебелёк минарета. Будун кричит теперь, верно, четвёртый намаз! А вон ещё выше другой аул. Облачко потянулось, должно быть, ветерком его погнало куда-то, и из-под него, из-под этого облака вдруг показалось горное становье... Всё блестит на солнце. Облако влажный след оставило на кровлях и стенах, и они огнём загорели, отражая лучи. Скучно лежать. Как скучно... Солнце теперь не жжёт, но жди пока оно зайдёт за горы, и они бросят на эту долину свою густую

ть, под защитою которой ему, Амеду, можно будет двинуться вперёд к той вон линии горских дружин.

Амед от нечего делать размечтался. Ведь на свете, что ни случается, — случается по предопределению. Как знать, может быть, Аллахом в неисповедимой судьбе решено дать ему, Амеду, большую славу и большое богатство. Теперь он простой елисейский горец. Положим, ага — дворянин. Ну, а исполнит это поручение, ему дадут Георгия... Будет участвовать в бою, — второго... А там сам Царь узнает об этом, прикажет ему на плечи эполеты повесить. Разве мало таких случаев бывало? Он сам знает, — Гассан-бек из таких же елисейцев, как и Амед. Даже родом хуже: у Амеда мать, хоть и краденая, а всё же кабардинская княжна, а у того — простая хунзахская лезгинка... А Гассан-бек уже капитан теперь, и на груди у него сколько крестов, больше, чем ран на теле! Что Гассан — храбр, ну, а он, Амед, — трус разве?.. Станет он офицером и сделает что-нибудь необыкновенное... Срубит голову Шамилю, что ли, и в мешке её привезёт в Дербент... Спросит его сам царь

Николай: «Что ты, молодец, хочешь за это?» — «Ничего, — гордо ответит Амед. — Отдай мне только Нину!» Или ещё лучше: окружают Нину черкесы, а он один, как орёл, пробьётся, выхватит её из шайки и увезёт в свои горы. Она ему и скажет: «Коли ты умел спасти меня, то я теперь вся твоя буду, и не нужно мне другого мужа. Что наши веры различны, это всё равно, потому что Бог один и, если Он позволил тебе освободить меня, значит, Он меня отдаёт тебе»... И сладко, сладко делалось молодому человеку, так сладко, что он уже не заметил, как из ущелья потянулся ветерок и зарябил струи Самура, от гор удлинилась тень, и эта на восток обращённая сторона вся точно матом покрылась... И скалы опять слились с складками и неровностями склонов. Только вершины гор резко выделились каждым гребнем своим, каждым утёсом. И за ними, за этими гребнями и утёсами ярко-ярко горело солнце. Да, разумеется, счастье теперь в его руках. Если Амед его не добьётся, сам виноват будет. У него пока нет соперников. Все эти там, ничего не стоят. Они — храбрые джигиты, и Кнаус, и Роговой, и Незамай, но де-

вушка, он сам видел это несколько раз, — смеётся над ними... А над ним, над Амедом, хоть он и простой горец, она, не смеялась никогда, никогда... Почему только она его «Аммалат-беком» звала? Какой он Аммалат-бек? — он елисуйский ага, а не бек совсем!.. И кто это такой Аммалат-бек? Где она, такая молодая, успела познакомиться с ним?.. А, должно быть, знаменит был Аммалат, — иначе о нём не стали бы книг писать. Ну, да там будь, что будет.

И сердце его щемило сладкою, ласковою грустью, Она теперь за него, за Амеда, молится по своему. О, как бы он хотел быть раненым на её глазах. Именно на её глазах. Его принесут в крепость, и она, Нина, будет ухаживать за ним... Амед даже глаза зажмурил от счастья, но тотчас же открыл их опять... У мюридов вдали слышались крики... Он приподнялся на локтях. Кто-то, должно быть, объезжал их. Не готовится ли что-нибудь на сегодняшний вечер. Кто-то важный. Жёлтая чалма на нём и за ним много в зелёных чалмах... Значок... Пожалуй, сам Хатхуа... И вдруг у Амеда загорелась ненависть к своему дяде.

Вся месть, воспитанная в нём семейными преданиями, этим кровавым канлы, которое существовало между двумя их родами, вспыхнула точно пожарищем. Подобраться, да ударить его кинжалом в спину... Что же, что во время войны канлы отменяется... Ведь он, Хатхуа, не только враг их рода, он враг и Нины. Попадись она в его руки, — сейчас в саклю к себе возьмёт, женой сделает... А не согласится та, туркам продаст.

Тени росли и росли... Одна от вершины этой вон горы с двумя аулами, даже к самому Самуру подошла. Теперь скоро. Скоро ему можно будет выйти. Вместе с тенью вечера лёгкий туман подымится над долиной. В тумане хорошо... Никто его не заметит. К самым позициям, а там смелость выручит. Амед приподнялся... Вечер почуяли и кони вдали... Ржание их слышится по всей долине... И позади, и впереди, и по сторонам. Краснее и ярче стали огоньки костров. Там вон у гор уже лёгкая мгла есть. Вокруг этих костров будто парчудится... скоро и сюда дойдёт... Пора уж, впрочем, а то выпустят из крепости собак, ещё не узнают Амеда, изорвут его. Пора... «Ал-

лах-экбер!» Он поможет... «Ла-Илляги-иль-Аллах-Магомед Рассуль Аллах»... — тихо проговорил он и поднялся. Вода сбежала по его лохмотьям, оставив влажный след на высохшей отмели. Амед, зорко глядя вперёд, двинулся туда, где две горы сжались, оставляя перед собою едва заметное ущелье. По этому ущелью он на Шагдаг проберётся, а от Шагдага — рукой подать к Дербенту... Дней через пять он будет там. В эти пять дней с крепостью, а следовательно и с Ниной, ничего не случится.

Туман, действительно, подымался... Тускло в нём горели костры, пламя их издали казалось большими красными пятнами.

И солнце скоро должно было сесть. Гребни гор совсем почернели. Несколько розоватых полос уже окрасило небо заревым румянцем... Амед встряхнулся и быстро-быстро двинулся вперёд.

Костры всё ближе. В отсыревших лохмотьях своих — Амеду было довольно прохладно... Он нарочно пошёл вкось, чтобы сидевшим у огня не показалось, что он идёт прямо из крепости. Скоро ему почудилось, что горы на него надвигаются. Их чёрные скалы на ог-

нистом море заката становились грознее и зловещее. Ущелья ложились реками тумана, и на высоте, на самом темени утёсов, точно изваянные из коралла, блистали белые сакли горных аулов. Чеченский всадник встретился Амеду и презрительно оглядев его лохмотья, запел точно про себя:

— «Эх, лезгин, лезгин! Хорошо тебе идти на русских, — что они сорвать с тебя могут? — грязь одну»...

Молодой елисуец не остался в долгу. Он ответил тоже, не глядя на чеченца, другой песней...

— «Мы идём на войну оборванными и голодными, — возвращаемся сытыми и одетыми... Аллах положил разницу между нами и Чечнёй. Та идёт в бой раззолоченная, а домой босая бежит и в лохмотьях... Эй, чеченец, где твои позументы? — Потерял в бегстве... Где твоя черкеска, шёлком шитая? — Бросил, чтобы спасти свою шкуру»...

Чеченец с негодованием отплюнулся и, подбодрив коня нагайкой, полетел в сумрак уже наступавшей внизу ночи.

На Амеда вместе с ветром потянуло запа-

хом чесноку. Молодой человек не ел с утра. Он даже ноздрями задвигал, так его голодного раздражал этот дух свежего варева. «Должно быть, хинкал готовят!» — с завистью проговорил он, не давая мысли слишком долго работать в этом направлении, — он только подтянул пояс потуже и решительно двинулся вперёд. Скоро огонь одного из костров точно вырос перед ним. Под красным светом, ярко разгоравшимся, виднелись смуглые горбоносые лица... Папахи, откиннутые назад, голые, бритые лбы...

— Селам! — проговорил, мимо проходя, Амед.

— И тебе тоже... — ответили ему.

— Аллах да поможет! — приостановился он.

— На тебе его благословение... Голоден?.. Если голоден, — садись...

Амед не заставил себя просить второй раз. Он только зорко оглядел присутствующих... Они сидели спокойно, мало обращая на него внимания. По горскому обычаю, раз пригласив к общему котлу прохожего, его нельзя было спрашивать ни о чём. Они даже при-

творялись равнодушными, хотя каждый сам про себя думал, кто бы был этот молодой красавец в таких лохмотьях. Амед, впрочем, пришёл к ним на помощь.

— Не знаете ли, где наши джарцы?

— Ваши джарцы! — презрительно вырвалось у старика с красной бородой. — Ваши джарцы... вероятно, русским служат, у нас их мало.

— Я знаю, что мало. Мы у себя привыкли количество заменять качеством. Один храбрец лучше тысячи трусов.

— Чох-якши!.. Хороший ответ! Жаль, что платье-то у тебя не так красиво, как язык, о, юноша!

— Я должен был бежать из дому... Не пускали свои на газават. Слава Богу, что и в этом добрался!

— Ты мне нравишься! — продолжал старик. — Я тебе найду у себя чоху получше...

— Не надо! — гордо ответил Амед. — Я не милостыни пришёл просить сюда, а драться.

— Тебе не милостыню и дают, а делятся с тобой по-братски.

— Делись с другими. Я оденусь, когда мы

возьмём тех... — и он кивнул на русскую крепость, казавшуюся теперь тёмным и смутным пятном за побледневшим Самуром.

— Джигит настоящий... Бог приглашает! — по обычаю показал старик на котёл.

Туда только что всыпали в навар из чесноку массу мучных шариков. Они вскипели и поднялись наверх. Хинкал был готов.

Все принялись за еду. Амед тоже и здесь себя лицом в грязь не ударил.

— Дай Бог тебе истребить столько русских, сколько ты съел хинкалу! — засмеялся старик, следя за ним глазами.

— Я не стану считать ни тех, ни других, — улыбался и Амед. — Гяурам Бог счёт ведёт или шайтан, кто их знает... А хинкалу чем больше гость съест, тем больше хозяину почёту.

— Жаль, у меня нет такого сына, как ты. Счастлив отец, возрастивший тебя!

Почувствовав себя сытым, Амед встал.

— Куда ты? Выпей бузы с нами!

— Нельзя. У нас не пьют бузы в Джарии. Да и своих надо искать.

Он двинулся решительно вперёд, стараясь

оставить костры скорее за собою. Но и там, куда он шёл, они всё выделялись из мрака красными пятнами. Точно сотни кровожадных глаз вспыхнули в темноте и, подняв свои веки, не мигая, смотрели на этого оборванца, старательно выбиравшего промежутки между ними... Около одного такого огня ему, впрочем, пришлось остановиться. Он услышал елисейское наречие и весь даже похолодел. Его тоже заметили оттуда, не различая его черт.

— Эй, кто там? — кричали от костра.

Над ним было старое дерево. И ветви его тускло освещались полымем.

«Это Али и есть!» — рассуждал про себя Амед, и взялся было за кинжал, но, сообразив, что всё равно одному со всеми справиться невозможно, решительно двинулся вперёд. Сердце его билось с страшной быстротой, но юноша шёл уверенно и смело.

— Али, ты это? — весело крикнул он.

— Кто меня спрашивает?

— Тот, кого ты и не ожидаешь.

— Амед, сын Курбан-Аги!

Все вскочили с мест. Оглядев их лица,

Амед заметил, что ни в одном не было ничего враждебного. Только одно удивление и выражалось на них. «Амед, сын Курбан-Аги», — слышалось ему повторяемое уже шёпотом. Он беззаботно подошёл и сел.

— Чего вы все?.. Точно вас шайтан над елисейской горой поднял и на землю в подолы к бабам швырнул.

— Зачем ты здесь? Мы не ожидали... Нас тут шестеро...

— Теперь будет семеро. Зачем я здесь!.. Большие вы жеребята, а надо ещё вас учить траву есть! Зачем я здесь... За тем же, за чем и вы... Что же я спокойно буду слушать, как горный ветер станет разносить по ущельям гимн газавата. Даром что ли у меня руки выросли? Уж не думаете ли вы, что я девчонка в шальварах, убирающая золотыми шнурками свои волосы и румянящая щёки, чтобы понравиться Али?..

— Нет, нет... Мы знаем тебя... Только... Только, ведь твой отец друг русским.

— Я в дела отца не вхожу! — угрюмо проговорил Амед. — Не советую никому и в мои мешаться. Я даже у отца и платья не взял. Как

раб в лохмотьях ушёл.

— Да... Но ты тоже всегда за русских стоял с тех пор, как учился у них в Дербенте.

— Я и всегда скажу, что с них надо пример брать. Надо учиться и работать, как они, тогда и мы будем также богаты и сильны. Да что вы в самом деле пристали ко мне!.. Мансур, ведь и твой отец друг русских... Да и твой, Али, не особенный враг им! А вы здесь... Что же вы хотите, чтобы о Елисуе никто на заикнулся, когда будет перечислять подвиги газавата в эту войну.

— Мы ради за тебя. Ты хороший и храбрый товарищ. Только тебе придётся быть под начальством Хатхуа.

— Канлы во время войны отменяется. Я не боюсь его, и пока мы не вернёмся, ему тоже нечего меня бояться.

За костром живо закипела весёлая беседа.

Елисуйцы и особенно елисуйская молодёжь отличается беззаботностью и страстью к песне и смеху. По местному преданию, елисуйцы так надоели своими песнями Богу, что Он, в один далеко для них не прекрасный день, приказал им всем онеметь. Елисуйцы

отчаивались только неделю, а когда она окончилась, они стали плясать да так, что в раю пророку и святым покою не было. Они кинулись к Аллаху: «Помилуй, — небо дрожит от пляски елисуйцев. С тех пор, как ты повелел им молчать, у них точно все шайтаны в ноги вселились». Подумал, подумал Аллах и вернул им дар слова. «Всё меньше шуму будет!» — решил он.

Амед невольно задумался...

Теперь дело осложняется, — пешком не уйдёшь от них. Завтра они все всполошатся и догадаются, что он пошёл к русским. Нагонят его, и тогда прощай его дело.

— Надо будет лошадь добыть!

«Как?» — он не думал. Когда все заснут, тогда и сообразит он, что ему делать. А теперь ему так приятно было между своими.

И, сидя под громадною чинарою, прислушиваясь, как шипели сучья, над которыми жарился вкусный шашлык, любуясь зрелищем костров, сиявших кругом, Амед невольно уносился опять мечтами в будущее. Сумрачные вершины гор висели над ним. Порой откуда-то доносилась полная тоски и неги гор-

ская песня... Говор затихал; где-то далеко, далеко слышались струны сааса, чей-то поистине, прекрасный голос точно вздыхал и, замирая, запел поэтическую песню, одну из тех, которыми так богат прикаспийский юг... Песня шла ближе и ближе... Очевидно, — певшие двигались мимо... Скоро их силуэты выделились из сумрака... Амед разобрал толпу юных беков. Посреди молодой красавец, роскошно одетый, небольшой сам, но с громадным кинжалом, схватясь одной рукой за него, а другой придерживая грудь и перегибаясь с одной стороны на другую, точно это ему помогало петь, импровизировал уже новую песню.

— Это Сафар-бек! — шёпотом заметил Али...

— Тише вы!.. — крикнул кто-то в стороне.

— Кто там смеет приказывать елисуйцам? — вскочил запальчиво Али.

— Тот, кто может заставить полететь ваши головы, как спелые колосья из под серпа в жаркое лето.

И вдруг около костра обрисовался гордый силуэт молодого наиба, роскошно одетого... Елисуйцы вскочили все на ноги... Амед рас-

слышал тихое, словно шелест: «Князь Хатхуа!» и впился пламенными глазами во врага своего рода. Хорошо, что Хатхуа не взглянул на него. Ненависть, ярко сверкавшая во взгляде Амеда, открыла бы тому многое... Он презрительно обвёл елисуйцев «калёным взором». Так говорят в горах.

— Елисуйцы? — коротко переспросил он.

— Да, господин.

— Петь да плясать — ваше дело. Посмотрим, как вы драться станете. У чёрта таких кукол много, как вы... И орут, и танцуют. Тушить костры! Слышите!.. Спать, утром с рассветом — дело будет... А если петь хотите, — есть на это гимн газавата. Кончится война, вернётесь домой... Тогда и я с вами петь готов, если жив буду...

И он удалился от костра.

Тишина воцарились кругом. Только шипели горящие головни, которые разбрасывала кругом молодёжь.

— Это Хатхуа... Хатхуа... — шептал про себя Амед, следуя за ним взглядом.

— Он около нас и спать будет...

— Где? — спросил его Амед, притворяясь

равнодушным.

— А вон за теми деревьями. И лошади его там стреножены.

Больше ничего не хотел знать Амед. План его был составлен. Он вдруг сделался спокоен и весел. Спросил у Али, что назначено на завтра, тот кратко: «Приступ»; потом Амед закинул руки за голову и притворился спящим. Ночь стыла и горела всеми звёздами. Чёрные в её заколдованном царстве стояли утёсы... Ветер пробудил листву чинары, и она сладко и нежно шептала ему что-то, но он равнодушный уже был далеко и будил другие деревья...

1902